

Град Святого Петра

← Санкт-Петербург. Исаакиевский собор.
Фото В. Моинна

Санкт-Петербург. Вид на Кунсткамеру.
Фото В. Моинна

Как правило, в каждом номере альманаха много авторских имен. Но в редких случаях – так было лишь однажды – мы предоставляем наши страницы одному автору. Напомним о рукописи «Венок усадьбам», написанной в соловецкой ссылке известным в 1920-х годах искусствоведом Алексеем Гречем, которую мы полностью напечатали в № 32.

И вот мы решились повторить этот опыт, когда познакомились с рукописью петербургского священника и историка архимандрита Августина «Православный Петербург в записках иностранцев».

В некотором роде – это путеводитель, к тому же мастерски написанный, который совершенно по-новому открывает архитектурно-историческое наследие второй столицы России.

Публикация рукописи архимандрита Августина обещает читателям альманаха удивительное путешествие во времени.

Православный Петербург в записках иностранцев

Архимандрит Августин (Никитин)

Этой теме еще не касалось перо исследователей. Какие свидетельства оставлены иностранцами относительно православной религиозной жизни Петербурга? Доцент С.-Петербургской Духовной академии архимандрит Августин — первый, кто собрал и систематизировал обширный материал, содержащийся на страницах полузабытых и труднодоступных дореволюционных журналов, — впечатления иноземных путешественников о православной церкви града на Неве. Начальную главу своего труда автор предлагает вниманию читателей альманаха.

С о времени постройки храма Иерусалимского никогда еще вера народа в свои судьбы не исторгала из земли чуда, подобного Петербургу». Этими словами французского путешественника маркиза де Кюстина мы и начнем наше повествование.

В 1703 году в устье Невы вошло торговое судно под голландским флагом; это было первое иностранное судно, посетившее город, только что основанный на неских берегах. С этого времени в Санкт-Петербурге, первоначально названный так на голландский манер, начался постоянный приток иностранцев: это были купцы, дипломаты, архитекторы, писатели, музыканты, художники и просто любопытствующие путешественники. Заморских гостей в Петербурге интересовало абсолютно все, и многие из них скрупулезно записывали свои впечатления об увиденном, а впоследствии, вернувшись на родину, издавали свои записки. Так западные читатели знакомились с бытом новой столицы Российской империи.

Особенно увеличился приток иностранцев в Санкт-Петербург со второй половины прошлого века. «Мы решительнодвигаемся в Европу, и к нам начали уже беспрепятственно приезжать путешественники, — писал в 1842 году издатель «Московского телеграфа» Н. А. Полевой. — На пароходах, вместе с попугаями, артистами, учителями, привозят и к нам ежегодно по несколько вояжеров.

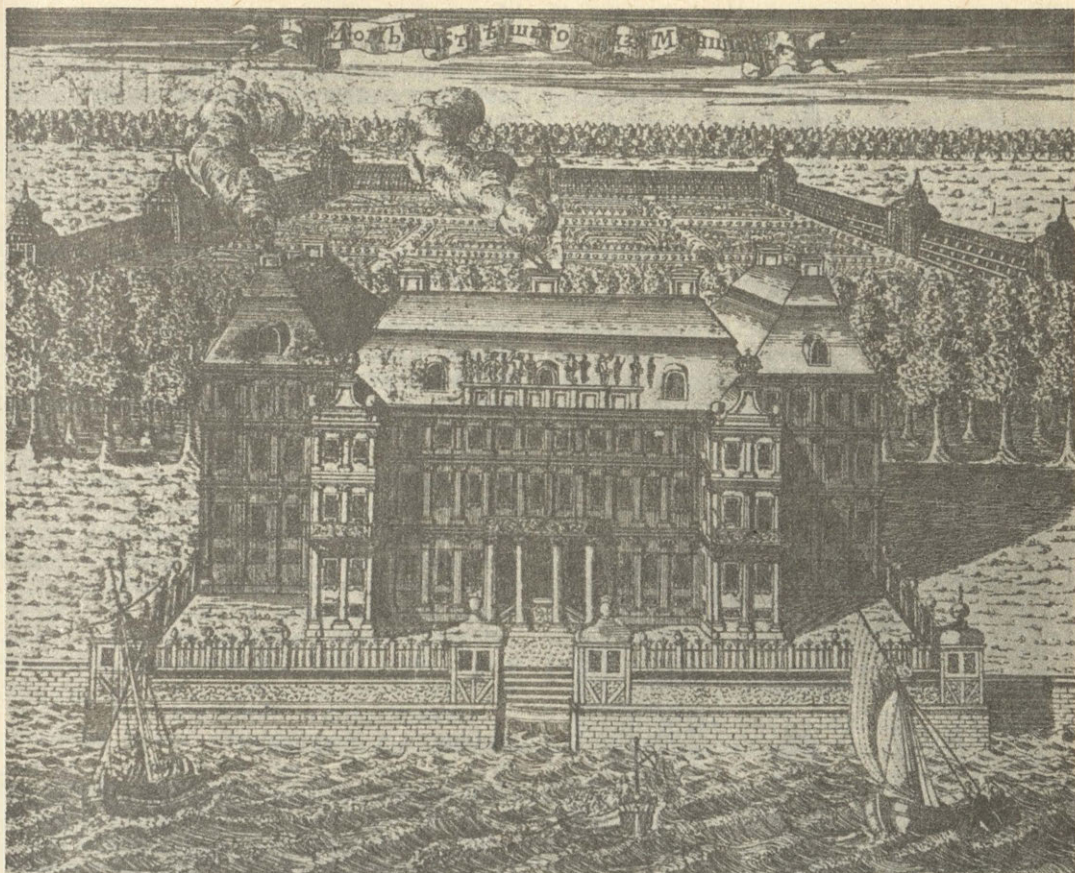
Летом вы встретите на петербургских улицах людей с бородками, с особенными усами, с эспаньолками, и легко отличите в них по костюму и по хватке путешественников. Вглядитесь, как они внимательно на все смотрят, как они срисовывают иногда нашего мужичка, охтянку, сбитенщика, и как уже явно рисуются на мозгу их

разные мысли, взгляды, описания, рассказы».

Порой эти описания отличались наивностью и содержали неточности, но в целом зарубежные авторы подмечали в быте русской столицы такие черты, которые местным жителям казались обыденными, но по прошествии десятилетий и даже столетий, они приобретают для нас особую ценность. Поэтому, подвергая справедливой критике одну из книг зарубежных сочинителей, содержащую немало «развесистой клюквы», тот же Н. А. Полевой далее замечает: «Мы до сих пор и для самих себя не можем составить порядочного описания России, порядочного описания Петербурга и Москвы. Спасибо, добрые иностранцы за нас хлопочут и составляют нам географии и истории, из которых мы изучаем Россию».

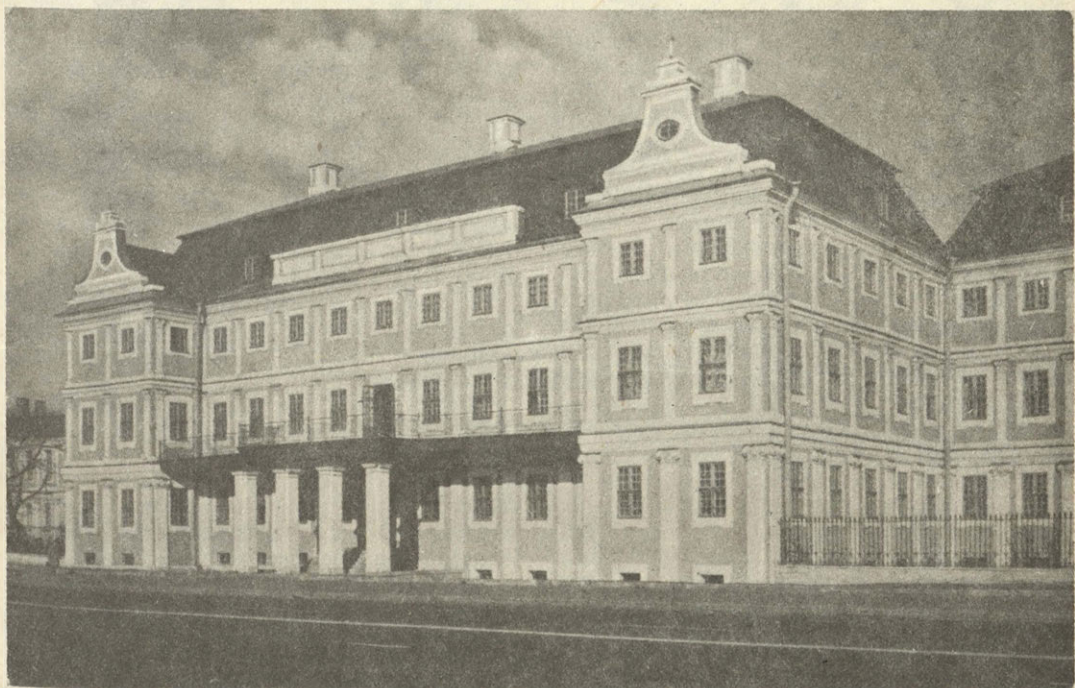
Конечно, в этих словах есть доля преувеличения, можно было бы назвать целый ряд сочинений, посвященных старому Петербургу (например, Георги И. Г. Описание российского императорского столичного города С.-Петербурга. Спб., 1794), но к середине прошлого столетия они уже представляли библиографическую редкость. Что же касается изображения религиозной жизни С.-Петербурга, то записки иностранцев имеют особое значение. Конечно, будучи инославными, гости новой столицы не могли обладать доскональными знаниями истории Русской православной церкви, ее традиций и обычаев. Но, тем не менее, их краткие упоминания об увиденном могут дать в своей совокупности определенное представление о петербургских храмах, монастырях, о православном укладе жизни местного населения, о столичном духовенстве и о многом другом.

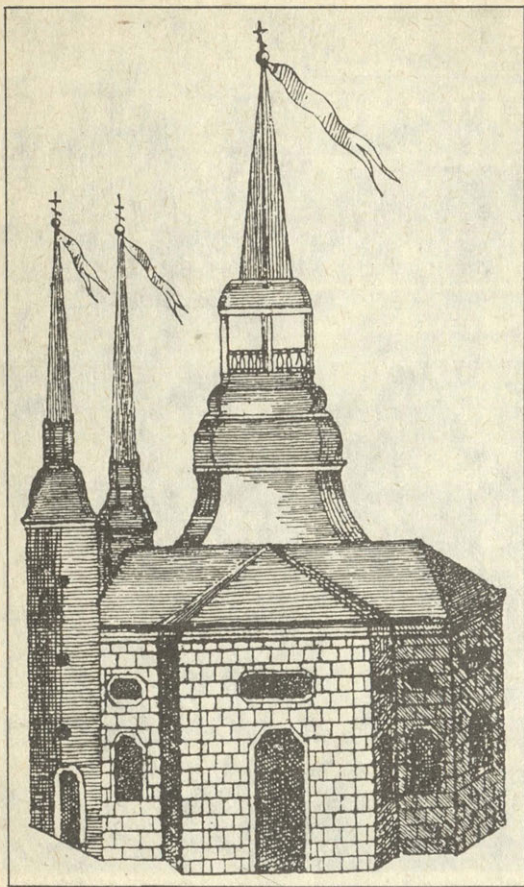
Путешественники, прибывавшие к Петербургу морем, прежде всего видели перед

Дворец Меншикова. Гравюра XVIII в.

Дворец Меншикова. Фото нач. XX в.

Первоначальный вид Петровского собора времени Петра I

собой Кронштадт — город, расположенный на острове Котлин в Финском заливе, в 30 верстах от российской столицы. Он был основан почти одновременно с Петербургом как крепость, защищающая его с моря. Вот что сообщал в 1712 году о Кронштадте шведский автор Ларс Юхан Эренмальм: «...На этом острове царь намерен построить так называемый Новый Амстердам. Для этой цели уже приготовлено различное снаряжение, и проект должен приобрести такой же вид, что и Амстердам в Голландии, по той причине, что ни один город за границей не понравился царю столь сильно»¹.

В 1736 году, ко времени приезда в Россию датчанина фон Хафена, Кронштадт превратился из небольшой крепости в город. «Первоначально это было только укрепление, устроенное для защиты гавани и называвшееся Кроншлотом; но в 1721 году, по причине распространения укреплений и увеличения числа жителей, оно было названо Кронштадтом»², — писал датский автор.

До 1885 года, пока не был прорыт

Морской канал (сооруженный с целью доступа кораблей глубокой осадки через морскую бар-мель у устья Невы) в Санкт-Петербургскую гавань могли приходить лишь относительно небольшие суда. Это обстоятельство и отражено в сообщении фон Хафена, который первоначально высадился именно в Кронштадте и смог осмотреть город. «26 июля 1736 г. прибыл я в Кронштадт на русском пакетботе, содержащем сообщение между этим городом и Любеком», — писал датский автор, замечая далее, что «Кронштадт имеет много прекрасных зданий, в числе которых находятся русские церкви... Главная русская церковь, построенная в 1718 году, по внутренней отделке великолепнее, чем по наружному виду»³.

Как раз в тот год, когда в Кронштадте было завершено строительство храма, там побывал брауншвейгский резидент в Петербурге Ф. Х. Вебер. «В 1718 году там закончена постройка русской церкви, которая представляет собой довольно изящное здание», — замечает он, добавляя при этом: «евангелического исповедания иностранцы отправляют свое богослужение в одном частном доме»⁴.

Православные богослужения, совершавшиеся в Кронштадте, также проводились не только в новопостроенном храме, но и в частных домах. Об этом упоминает один из поляков, прибывший в Россию в составе посольства, отправленного королем Августом II в 1720 году. Как вспоминал польский дипломат, в Кронштадте, где у князя Меншикова был выстроен дворец, «все мы расположились в этом дворце, а в зале служились Божественные литургии»⁵.

Каким представал Петербург перед взорами путешественников, прибывших в Северную Пальмиру? Вот одна из записей, принадлежащая ирландке Кэтрин Вильмот, посетившей Россию по приглашению княгини Е. Р. Дашковой, первого президента Российской Академии: «Никогда не забуду, — пишет Кэтрин, — как хорош и великолепен мне показался Петербург в день нашего приезда»⁶.

К началу XIX века в Петербурге было уже много церквей и соборов; во второй половине того же столетия город украсился еще больше.

В октябре 1858 года в Санкт-Петербург прибыл известный французский писатель Теофиль Готье, объездивший Европу и Ближний Восток. Но и на такого бывалого путешественника северная русская столица произвела неизгладимое впечатление. Стоя на палубе парохода, входившего в устье Невы, Теофиль Готье любовался панорамой города, разворачивавшейся перед его взором: «Медленно вставал прекрасный силуэт Санкт-Петербурга, — отмечал он в своем дневнике. — Золото куполов и шпилей

сияло на самой богатой, самой изумительной диадеме, которую когда-либо мог нести город на своем челе. Вот и похожий на тиару Исаакиевский собор меж четырех колоколен вознес свой золотой купол, на Адмиралтействе взметнулась сияющая стрела, церковь Михаила Архангела по-московски округлила свои купола, и Сторожевая церковь заострила пирамидальные, украшенные линиями, полосами ребристые верхушки, а далее засверкало металлическими отблесками множество колоколен»⁷.

Многие иностранные авторы, жившие в Петербурге, отмечали набожность и благочестие православных жителей российской столицы. Об этом писал, например, француз Лафермиер, который в 1770–1780-х годах исполнял обязанности секретаря великого князя Павла Петровича. В его заметках под названием «Русский двор в 1761 году» отмечаются те присущие православным петербуржцам качества, которые не могли пройти мимо внимания французского автора: «Точность в исполнении обрядов... поклонение святым и иконам, страсть к построению церквей и монастырей – все, что составляет отличительные черты гре-

ческой набожности... Эти подвиги как бы служат противодействием греху и содействуют тому, чтобы поддерживать душу в равновесии между добром и злом»⁸.

Впечатления Лафермиера не единственные в этом роде. Другой француз – аббат Жоржель – высказывает сходное мнение о благочестии петербуржцев. Аббат Жоржель приехал в Россию в качестве одного из представителей Мальтийского ордена; он жил в резиденции императора Павла I с декабря 1799-го до конца мая 1800 года. «Русские все поголовно стоят в своих церквах, расточая внешние знаки благочестия; они непрерывно кладут земные поклоны, то и дело крестясь по русскому обычаю; при этом они обращаются то к алтарю, то к иконам Богоматери или св. Николая, – отмечает французский аббат. – Русские окружают этого святого несравненно большим почетом, чем всех других святых своего календаря. Это – первый святой после Бога и Богородицы; под его покровительством они считают себя защищенными от земных бедствий и от вечных мук загробного мира»⁹.

Таковы впечатления аббата Жоржеля,

Первоначальный вид Исаакиевского собора времени Петра I

Санкт-Петербург. Вид на Васильевский остров. Гравюра XVIII в.

который далее уделяет внимание православной традиции иконопочитания.

Приведенные заметки можно дополнить наблюдением ирландки Марты Вильмот, жившей в России в 1803–1805 годах. В августе 1803 года она отправилась из Петербурга в Петергоф, и, когда ее экипаж поравнялся с храмом, стоявшим у дороги, она заметила, что «все, проезжающие мимо, останавливаются у церкви, и слуги, сняв шапки, начинают усердно креститься... Когда мы поравнялись с храмом, все вышли из кареты. Я вошла в церковь вслед за остальными, спутники мои стали креститься, класть поклоны и прикладываться к иконам. Семеро наших слуг молились снаружи»¹⁰.

Сестра Марты, Кэтрин Вильмот, остановившаяся в Петербурге в августе 1805 года, на пути в Москву, также могла видеть петербуржцев, творивших молитву. «Низший разряд народа удивляет меня своим странным видом и патриархальной длинной бородой у мужчин: трудно себе представить, что они не родились еще до потопа, — писала Кэтрин, привыкшая к европейскому укладу жизни. — При восхождении и захождении солнца и в некоторых других случаях они начинают очень усердно креститься, и эта церемония продолжается не менее четверти часа. Они наклоняют при этом голову почти до низу и потом не только выпрямляются, но на столько же перекидываются назад, совершая крестное знамение во всю руку. Старые женщины

преспокойно становятся на колени и прикладываются к земле»¹¹.

И если Марта Вильмот сообщала о «путешествующих» петербуржцах, то ее сестра Кэтрин писала о «плавающих», которые молились, несмотря на угрожавшие им опасности. «Я часто вижу плывущими по реке мимо наших окон на досчатом челне человек двенадцать, совершающих свои поклоны тем путем, как я указывала, с их длинными бородами, развеваемыми ветром, и в эту минуту они представлялись мне какими-то чудотейми, усмиряющими гневные порывы морской пучины», — с восхищением отмечала ирландская католичка.

Многие иностранные авторы писали об этой древней традиции. «Русских можно отличить по часто повторяемому крестному знамени, которое они сопровождают глубокими поклонами»¹², — замечал немецкий путешественник граф Штернберг, побывавший в Петербурге в 1792–1793 годах.

Другой путешественник, маркиз де Кюстин, прибывший в Петербург из Франции в 1839 году, несмотря на то, что страницы его книги о пребывании в России порой недоброжелательны, все же и он сумел встать выше личных пристрастий, объективно подчеркнув набожность, которая была присуща русским христианам. Вот что писал он о жителях Петербурга: «Русские глубоко религиозны; их церкви, по крайней мере, неоспоримо принадлежат им; неиз-

менная форма храмов благочестия составляет часть их культа...»¹³.

Иконопочитание — одна из древних традиций, присущих православному миру и бережно сохраняющаяся в лоне Русской православной церкви. Это также бросалось в глаза приезжим иностранцам, и они отмечали данный обычай в своих записках.

В 1803 году Россию посетил швейцарский реформатский пастор Этьен Дюмон, который ранее возглавлял реформатскую общину в Петербурге. В своем дневнике он записывает впечатления по поводу посещения петербургских храмов. «Церкви поражают своей величиной. Они полны икон, которые, по большей части, кажутся несколько смешными. Главный сюжет картины выполнен на серебряной высеченной поверхности. В серебре вырезаны отверстия для головы и рук, которые изображены красками, так что частью это живопись, частью — чеканка. Подобное сочетание двух искусств носит смешной и детский отпечаток. У всех русских имеются дома образа такого же вида: они почитают этих карманных святых, но у них нет религиозных понятий. Главный религиозный акт заключается в том, чтобы останавливаться перед всеми церквями и креститься перед образами»¹⁴, — так пишет об этой исконной традиции православия протестантский пастор, принадлежащий к реформатской церкви, в которой иконопочитание было упразднено в XVI столетии.

Иностранцы, сообщавшие своим читателям о православной традиции иконопочитания, порой отзывались о ней как об устаревшей, как о пережитке древнего язычества. Но, отвечая на подобные высказывания, Ф. М. Достоевский писал: «Иной лютеранский пастор ни за что не может понять, как можно, веруя в истинного Бога, поклоняться в то же время «доске», изображению святого, и допускать, чтобы из этого не вышло идолопоклонства. Между тем, нет ни одного русского мужика или бабы, которые, поклоняясь иконе, в то же время хоть сколько-нибудь смешивали «доску» с Самим Богом, несмотря на то, что православный народ в то же время верует в чудотворность иных икон. Но нет ни одного русского, который чудотворную силу иконы приписал бы самой иконе, а не соизволению Божию. А это уже совсем другое»¹⁵.

Такой ответ мог бы дать русский религиозный писатель на поверхностное замечание швейцарского пастора французского происхождения.

Зато с большим почтением пишет о традиции иконопочитания другой француз — известный уже нам Теофиль Готье, имевший возможность изучать православный быт петербуржцев. «Местный уклад жизни выдает себя множеством любопытных де-

талей, — сообщал Т. Готье. — Прежде всего — иконы в позолоченных серебряных окладах с прорезями на месте лиц и рук, отражая свет постоянно горящих перед ними лампад, предупреждают вас о том, что вы не в Париже и не в Лондоне, а в православной России, на святой Руси»¹⁶.

Любопытнейший французский писатель, посетивший Петербург в 1858 году, побывал в торговых рядах, располагавшихся недалеко от Сенного рынка. Речь идет о так называемом Шукином дворе, где, наряду с прочими, имелся иконный ряд. «Если я вдруг забыл бы, какое в тот день было число, я мог бы подумать, что очутился в средневековье, настолько стиль рисунка икон был архаичен, а ведь большинство из них было исполнено просто накануне. Своими образами Россия с абсолютной верностью продолжает византийскую традицию»¹⁷, — писал Т. Готье, приводя далее некоторые любопытные частности, передающие атмосферу той, безвозвратно ушедшей эпохи. «Торговцы иконами лучше одеты, чем их соседи — торговцы кожами, — продолжает французский писатель. — В основном на них старинные русские костюмы... у многих прекрасные, серьезные, умные и добрые лица. Они сами могли бы позировать для портретов Христа, которые продают, если бы византийское искусство допускало подражание природе в исполнении освященных Церковью образов. Завидев, что вы останавливаетесь перед лавкой, они вежливо приглашают войти, и, даже если вы ограничитесь покупкой нескольких пустяков, они покажут вам весь свой арсенал, не без гордости останавливая ваше внимание на самых дорогих, хорошо исполненных вещах»¹⁸.

Ко времени приезда Т. Готье в Петербург здесь была выстроена небольшая часовня на Благовещенском (Николаевском) мосту. Иностранный путешественник Руссель-Киллуг, посетивший Петербург осенью того же 1858 года, что и Т. Готье, пишет о ней: «При входе на мост, направо, стоит маленькая часовня, перед которой прохожие останавливаются, снимают шапки и начинают креститься с правого плеча на левое»¹⁹.

Но путь этого автора лежал через всю Россию и далее в Австралию, и вполне понятно, что он лишь кратко сообщил об увиденном. Поэтому снова вернемся к запискам Т. Готье. Вот что увидел он на Благовещенском мосту, где за несколько лет до этого, в 1854 году, на правом берегу моста, в промежутке между крыльями разводного пролета, архитектором А. И. Штакеншнейдером была построена часовня во имя св. Николая Чудотворца. «Перед иконой днем и ночью горит лампада, — пишет Т. Готье. — Проезжая мимо часовни, извозчики берут поводья в одну руку, другой

приподнимают шапку и крестятся. Прохожие мужики прямо в снег кладут земные поклоны. Солдаты и офицеры, проходя мимо, произносят молитву, стоя неподвижно с непокрытой головой. И это в 12 или 15 градусов мороза! Женщины поднимаются по лестнице и после многочисленных коленапоклонений целуют образ. Вы можете подумать, что подобное поведение принято только у простых, непросвещенных людей. Но нет, это не так. Никто не проходит мост, не проявив знаков уважения по отношению к святому покровителю часовни, и в копилки, поставленные по обе стороны часовни, льются рекой копейки»²⁰.

Не следует полагать, что иностранные авторы описывали религиозный быт петербуржцев в одних только светлых тонах. Так, англичанка Элизабет Джастис, жившая в Петербурге гувернанткой у английского купца Эванса и имевшая возможность наблюдать повседневную жизнь столицы во всех ее проявлениях, отмечала и некоторые слабости, свойственные каждому человеку, независимо от его конфессиональной принадлежности. «Перед причастием, примерно за неделю,— пишет она о людях, с которыми ей довелось жить бок о бок в течение трех лет,— они выглядят весьма благочестивыми и раскаивающимися во всем дурном, что совершили. Слуги приходят к хозяевам просить прощения за свои провинности и целуют им руку. Но сразу после причастия возвращаются к своему прежнему дурному поведению, и ничего доброго не приходится ждать от них до тех пор, пока опять не подойдет срок причащаться»²¹.

В своих записках Джастис касается всех основных религиозных моментов, связанных с жизнью православного христианина. Но не приходится удивляться тому, что ее суждения поднимаются «не выше сапога». Тем не менее следует привести то место из ее записок, где она пытается изложить чинопоследование бракосочетания. «Мне пришлось побывать на русской свадьбе, я видела две или три пары, шедшие венчаться,— пишет английская протестантка.— Я заметила, что они были очень красиво одеты, в очень богатых платьях, с лентами и цветами в волосах. Ибо на этот день они занимают у кого только могут, чтобы выглядеть красивыми. Впереди жениха и невесты идет человек с маленьким образком, называемым богом-покровителем (!) невесты; после обряда бракосочетания образ приносят обратно и ставят среди других русских богов (!), но ему она больше не молится»²².

Такой же поверхностный характер носит описание похорон, изложенное английской гувернанткой; и все же оно любопытно, поскольку позволяет выявить тот уровень понимания православных традиций, который был присущ простой иностранке,

прибывшей в Россию из протестантской страны. «Я не видела похорон, пока не пробыла там два года, хотя и жила в очень населенной части города и близко от двора,— сообщает Джастис.— И в тот день я не видела ничего, кроме необычного света. Подойдя узнать, что это такое, обнаружила, что это многочисленные факелы: их среди бела дня несли перед телом. Я сочла это в высшей степени абсурдным. Но человек, в чьей компании я была, рассказал мне, что русские кладут в гроб, а это еще более абсурдно: туда кладут пару башмаков, несколько свечей и пропуск. Последний — чтобы покойника впустили, но я не знаю куда. Полагаю, русские считают, будто существует несколько степеней счастья, ибо такой пропуск можно купить в лавке или на рынке, и его действительность зависит от цены»²³.

Упоминание о «пропуске» для покойника, о котором сообщает простодушная англичанка, встречается и в некоторых других сочинениях иностранцев, бывавших в Петербурге. И это — несмотря на то, что еще в начале XVIII века датский посланник при царе Петре Юст Юль выявил несуразность данного мнения. Вот что пишет по этому поводу датский автор: «Когда отпевание закончилось, под руку покойного была подложена записка с обозначением его имени, возраста, звания, дня его смерти и того, что все грехи ему отпущены по власти, данной священнослужителям. Такая записка кладется в гроб не в качестве паспорта для пропуска покойника в рай, как ошибочно утверждают в своих описаниях почти все путешественники по России, а для того, чтобы, в случае, если откапуют какое-либо неистлевшее тело, можно было узнать (из этой записки), что тут похоронен христианин, и кто он такой»²⁴.

В послепетровскую эпоху, как и прежде, в Петербурге селилось много иностранцев; одним из них был современник Джастис — датчанин Петер фон Хафен, живший в городе на Неве почти в то же время — с 1736 по 1737 год. В его книге, наряду с обычным описанием российской столицы, помещены такие главы, как «Посты», «Праздничные дни», «Крестины», «Масленица». О православных похоронах фон Хафен сообщает следующее: «Обычно похороны и проводы умершего простолюдина не производят большого впечатления. Правда, тех, кто сколько-нибудь благороден, все еще, по старому обычаю, хотя и вопреки установлению императора Петра Первого, сопровождают плакальщицы, которые должны плакать, провожая покойного. Однако я часто наблюдал, как лишь два парня проходили с телом, неся его... на плечах примерно так же, как носят муку к пекарю... При этом не было никакого сопровождения или церемонии»²⁵.

А вот как хоронили в Петербурге знатных вельмож. 6 июля 1720 года скончался князь Яков Федорович Долгорукий, петровский сенатор, председатель «ревизион-коллегии». В юности он получил хорошее образование под руководством польского наставника, и вот, после его кончины, дом покойного посетили члены польского посольства, отправленные королем Августом II в Россию для рассмотрения курляндского вопроса. По сообщению одного из членов посольства, у гроба усопшего «немало было митрополитов, епископов, архимандритов и разного другого высшего духовенства... Посол выразил соболезнование архиерею (Стефану) Яворскому... После обычных отпеваний, духовенство направилось с гробом, по старшинству — на конце уже младшие; не так, как у нас, что епископ идет после всех. Один взял святую икону, чтобы отдать ее в монастырь — такой здесь обычай после каждого покойника»²⁶.

В отношении Великого поста у большинства иностранных авторов, живших в России, имеются лишь краткие упоминания, и это снова вынуждает приводить «богословские» рассуждения Элизабет Джастис. Красочно описав те развлечения, которыми сопровождалось встарь празднование масленицы, английская гувернантка переходит к «анализу» великопостных традиций. «В понедельник, предшествующий пепельной среде, с которой начинается Великий пост, веселье заканчивается, — пишет любознательная англичанка. — Во вторник при встрече они (русские христиане) целуются, объявляют: «Прощай, завтра я умру!» — и продолжают умерщвлять свою плоть до Пасхи. Русские ходят в церковь вечером, как и днем. Отправление обрядов состоит в том, что они крестятся, кланяются и бьются головой о пол, повторяя часто и быстро, как только возможно, слова: «Господи, помилуй нас». И те, кто проговаривают это быстрее всех, считаются самыми набожными»²⁷.

Особенно строгим воздержанием от скромной пищи в православной России было на первой и последней (Страстной) неделе Великого поста. Эта традиция настолько прочно была укоренена в повседневном обиходе, что ее нарушение могло грозить потерей благорасположения православных жителей столицы. И наоборот — ревностное исполнение всех великопостных предписаний возвышало лиц, которые в том нуждались. В связи с этим можно привести любопытное замечание маркиза Жака-Иоахима де ля Шетарди, французского посланника при русском дворе в 1740–1742 годы. Де ля Шетарди жил в Петербурге в те годы, когда после кончины императрицы Анны Иоанновны на российский престол, в результате дворцового переворота, взошла «дщерь Петрова» — Елизавета Петровна. Вот что

сообщает французский дипломат в одном из своих донесений из Петербурга: «Царица не удовольствовалась самым строгим, каким только можно себе придумать, выполнением поста и соблюдением в продолжении Страстной недели всех требуемых тогда обрядов, и должно думать, что она считала необходимым показать своим народам пример уважения, должного Церкви. Если суеверие или частные виды несколько не входят сюда, то, конечно, такой образ действий заслуживает похвалы»²⁸.

Эти строки относятся к начальному периоду царствования Елизаветы Петровны. То, что ее великопостное воздержание не было лишь данью политическим обстоятельствам, но являлось искренним проявлением религиозных чувств, подтверждается сообщением другого французского дипломата — Лафермиера, прибывшего в Петербург в последний год правления императрицы Елизаветы. В своих записках, относящихся к 1761 году, французский автор свидетельствует: «Особенно печально проводит государыня Великий пост. Она не терпит рыбы, но не смеет есть не только мяса, но и яиц, масла и молока: все это одинаково воспрещается суровыми правилами этого поста. Благочестие последователей греческого вероисповедания главным образом заключается в строгом держании постов, и императрица Елизавета, которая с каждым днем становится все набожнее, предпочитает (скорее) расстраивать себе здоровье, чем подавать подданным пример нарушения поста. Примеру же своего воздержания она требует, чтобы все следовали»²⁹.

Вот еще одно наблюдение о постах; оно принадлежит английскому автору, жившему в Петербурге в екатерининскую эпоху. Речь идет о графе Бекингхэмширском Джоне Гобарте, который был британским чрезвычайным послом в Петербурге в первые годы царствования Екатерины II — с 1762 по 1765 год. Британский посланник вращался в высшем свете, и его зарисовки «говеющей знати», естественно, не отражают тех чувств, с которыми проводили великопостные дни простые петербуржцы. «У русских, кто строго соблюдает посты, да крестится по двадцати раз в день, тот и добрый христианин», — замечает Джон Гобарт и переходит к основной теме.

«Масленица кончилась, — пишет он. — Девы, жены и вдовы в трауре. На смену оживленным танцам, красивым туалетам, веселым пиршествам и галантным офицерам явились грибы, соленые огурцы, молитвы и священники. На первой неделе поста правверные русские воздерживаются от всего земного, к чему тянет врожденная человеку чувственность. Всех больше страдают женщины: им нельзя носить никаких украшений, нельзя надевать ничего

такого, что хотя бы слабо напоминало красный цвет; все розы их должны увянуть. Для поддержания жизни им оставлены только вера, надежда и размышления»³⁰.

В отличие от британского посла, сообщавшего о петербургской знати, его соотечественница — леди Блумфильд пишет о простых верующих. Жена английского посланника при петербургском дворе, жившего в российской столице в середине XIX века, леди Блумфильд могла наблюдать, как соблюдает посты их прислуга — люди простого звания. «Многие из наших мужиков крестились, проходя мимо церкви, и строго соблюдали Рождественский и Великий посты, — пишет супруга английского посла. — Во время постов они не прикасались не только к мясной пище, но даже к молоку, маслу и яйцам. Наш дворецкий Фока (он был прекрасный человек) всегда заметно худел во время этих постов на Страстной неделе, чулки висели как мешки на его худых ногах. Я часто заставала его в передней за чтением Библии по-славянски»³¹.

Конфессиональная замкнутость, свойственная русским христианам в допетровскую эпоху, постепенно преодолевалась в ходе социальных преобразований, принятых в начале XVIII века. К началу следующего, XIX столетия атмосфера веротерпимости стала настолько привычной, что инославные посланники, приезжавшие

в Петербург, могли беспрепятственно посещать православные богослужения. В записках Леопольда фон Герлаха, генерал-адъютанта прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, четырежды посещавшего Петербург (в 1826, 1827–1828, 1832 и 1834 годах), сообщается о том, как он, вместе с королевской свитой, присутствовал на богослужениях Страстной седмицы. В своем дневнике 31 марта 1828 года он сделал следующую запись: «Сегодня мы были приглашены в малую дворцовую церковь, чтобы послушать пение. Церковные хоры, общее колелопреклонение, мысль о том, что книга, которую держит священник, заключает в себе живое слово Божие, — все это сильно на меня действовало. Затем, на разводе, великий князь Михаил Павлович подошел ко мне и спросил, как мне понравилось пение? Я отвечал, что богослужение очень меня растрогало... После этого я спрашивал у него о значении литургии и о том, насколько произносимые во время нее молитвы касаются Страстей Господних и т. д. На все это он мне отвечал очень милостиво и любезно». И далее: «В ночь с субботы на пасхальное Воскресение мы присутствовали на литургии, а затем последовало поздравление императора, с христосованием, — пишет фон Герлах. — Прекрасны, в самом деле, эти лобзания с приветствием «Христос воскрес» и ответ на них... В пасхальное Воскресение мы уже рано прибыли в церковь, но перед тем были одарены пасхальными яйцами»³².

Однако вернемся к первым годам жизни Санкт-Петербурга. Как рассказывал датский посланник Юст Юль, встретивший праздник Пасхи Христовой в Петербурге 20 апреля 1710 года, «в 3 часа утра русские пошли к заутрене. День начался усиленной пальбой с вала изо всех орудий, трезвоном во все колокола и общей радостью, довольством и ликованием. В Светлое Христово Воскресение, при встречах друг с другом, все без различия пола целуются и обмениваются крашеными яйцами... Я обменялся таким приветствием с царем: когда я явился к нему утром поздравить его с праздником, он выразил желание, чтобы я с ним похристосовался по-русски... Обычай этот русские переняли от древнегреческой церкви; к грекам же он перешел от первых христиан, которые выражали тем свою радость по случаю Воскресения Христова и говорили друг другу «Христос воскрес» в воспоминание того, как мироносицы возвестили об этом событии апостолам, а апостолы — ученикам»³³.

Вот еще некоторые обычаи, с которыми довелось познакомиться датскому посланнику: «Русские священники в сопровождении своих дьячков, поздравляя по случаю Воскресения Христова, ходят с церковным крестом из дома в дом и поют «Христос

Санкт-Петербург. Булочник и продавец кваса.
1830–1840
Литография по рис. И. Щедровского

Санкт-Петербург. Памятник Петру I.

воскресе», — пишет Юст Юль. — Один из них пришел и ко мне с пением. Когда он пропел, я, следуя здешнему обыкновению, поднес ему чарку водки».

О традиции пасхальных поздравлений пишет, пожалуй, каждый иностранный автор, побывавший в праздничные дни в России. Познакомимся с впечатлениями брауншвейгского резидента в Петербурге Ф. Х. Вебера. «Замечательная церемония в этот праздник состоит в обмене крашенными яйцами, которыми русские обоюдо при встрече дарят друг друга с приветственным поцелуем, причем одна сторона произносит «Христос воскрес», а другая отвечает: «Воистину воскрес»; после чего, обменявшись яйцами, каждый продолжает идти своей дорогой», — сообщает Ф. Х. Вебер. — Поэтому все те, и самые иностранцы, получив яйцо, например, от домашней служанки, целый день могут обмениваться со всеми яйцом. Священники русские объясняют этот обычай следующим образом: т. к. из яйца вылупляется цыпленок, то яйцо

служит преобразованием Воскресения Христа»³⁴.

Теперь, не выходя пока за рамки первой половины XVIII века, приведем пасхальные впечатления датчанина фон Хафена. Прибыв в Россию в 1736 году, он служил сначала секретарем у адмирала Бредаля, а потом был воспитателем молодого князя Николая Васильевича Репнина. Изъездив Россию от Петербурга до Азова, он собрал много интересных сведений о жизни русского народа. Как и другие иностранные авторы, он сообщает сходные сведения о пасхальных традициях: «Русские при встрече дарят друг другу яйцами и, произнося слова «Христос воскрес!», целуются несколько раз. При этом приветствии даже самые знатные люди не нарушают этого обычая, который свято соблюдается. В это время обыкновенно здесь продаются во множестве крашеные и убранные яйца; из них иные стоят даже по червонцу и дороже»³⁵.

Таковы впечатления датского автора,

относящиеся к марту 1739 года. Но в его записках сообщается и о другом пасхальном обычае, о котором почти не упоминается в записках прочих иностранцев. Вот что пишет фон Хафен далее: «Другой обычай, сопровождающий Пасху, это беспрестанный продолжительный звон. В народе тот считается безбожником, кто в эти дни не позвонит в колокола. Поэтому люди толпами стремятся к колокольням, и, платя денежку или полушку причетнику, звонят со всем усердием. Смотри по колоколу и по числу ударов, и цена бывает разная. Оттого во всю Святую неделю звон этот не прекращается»³⁶.

Некоторые дополнительные сведения о праздновании Пасхи Христовой находим в записках Корберона — поверенного французского посольства в России, проведенного в Петербурге несколько лет — с 1775 по 1780 год. У французского посланника была возможность присутствовать на пасхальном богослужении в церкви Зимнего дворца, и в записи от 13 апреля 1776 года мы читаем: «Накануне Пасхи здесь так же, как и накануне Рождества, бывает полуночная служба. Императрица отправляется в дворцовую придворную церковь. Приходится в продолжение двух-трех часов стоять на ногах... В конце службы со словами «Христос воскрес» каждый имеет право поцеловать любую женщину. Императрица христосует в этот день со всеми часовыми, стоящими по пути во дворец. По возвращении она наливает вина окружающим, и все разговляются, как в день Рождества. На другой день полагается делать визиты, как в первый день Нового года. Простой народ, христосуясь, обменивается яйцами и не упустит случая поступить так же и с вами, чтобы, получив на чай, иметь возможность выпить за ваше здоровье. В обществе также распространен обычай давать друг другу разрисованные и разукрашенные яйца»³⁷.

«Очень любопытны эти яйца, — писала уже знакомая нам Элизабет Джастис по возвращении в Англию. — Я привезла с собой одно, все фигуры на нем двигались, если потянуть снизу за кисточку. Это яйцо индейки, высосанное, выкрашенное в кремовый цвет и покрытое лаком. Яиц у них очень много — одни сделаны из воска, другие из дерева, а третьи — настоящие, сваренные вкрутую и затем окрашенные в крас-

ный цвет. Затем перочинным ножом так соскабливают эту краску, что получается фигура нашего благословенного Спасителя на кресте или Его Вознесение на небо; это у русских получается чрезвычайно любопытно. Такими яйцами восхищаются более всего, но сохраняются они недолго. Слуги пекут кекс или пирог, и, украшенный яйцами, дарят своим хозяевам, или же подносят каравай хлеба. Хозяевам принято что-нибудь дарить, хотя те и отнекиваются. Эта неделя повсюду полностью посвящена развлечениям...»³⁸.

Все вышеприведенные свидетельства в достаточной мере красноречиво говорят о чистоте и непосредственности религиозных воззрений, которые жили в народе, о неколебимости православной веры в России. Естественно, заезжие путешественники ограничивают круг своих наблюдений Петербургом — собственно, это и является предметом нашего рассмотрения. Но столь же очевидно, что свойства русского православного человека — от простого, низшего, и до высших кругов общества — составляют нечто нерушимо цельное, присущее всей огромной стране — России, всему ее огромному народу. Вот почему в заключение хотелось бы привести одно суждение, которое, как нам кажется, глубоко заглядывает в самую суть явлений. Это суждение принадлежит известному немецкому писателю Эрнсту Морицу Арндту.

Летом 1812 года Арндт был приглашен в Петербург в качестве помощника по делам легиона, сформированного для освобождения Германии от наполеоновского насилия. Шесть месяцев он пробыл в России и в своих записках отметил набожность жителей Петербурга, которая за внешними формами проявления имела глубокую внутреннюю сущность. «Я поистине дивился лицам молящихся в церквях и на улице, когда раздавался утренний или вечерний звон, — писал Арндт. — Как все останавливалось и складывало руки, как все смотрело глубоко, словно заглядывало в небо и в самого себя, словно внезапно переносилось из веселости предыдущей минуты, из суеты житейской в иной мир, словно ударил гром и приковал всех к месту, где только что все беззаботно двигались и шумели! Тут чувствуешь, что в этом народе есть нутро, есть твердая неразрушимая сущность»³⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит.: Беспятых Ю. Н. Страницы старинной рукописи // Нева. — 1982. — № 5–6.

² Путешествие по России в 1736–1739 годах. (Из дорожных записок фон Хафена) // Северная пчела. — 1863. — № 150. — С. 689.

³ Там же. — С. 689–690.

⁴ Вебер Ф. Х. Записки о Петре Великом и об

его преобразованиях // Русский архив. — 1872. — № 6–9. — С. 1699.

⁵ Петербург в 1720 году. Записки поляка-очевидца // Русская старина. — 1879. — Т. 25. — С. 279–280.

⁶ Письма из России в Ирландию 1805, 1806 и 1807 годов. Переписка девицы Вильмот с ее

- сестрой и друзьями во время ее полуторагодового пребывания в России // Русский архив.—1873.—Кн. II.—С. 1837.
- 7 Готье Теофиль. Путешествие в Россию.—М., 1988.—С. 26—27.
 - 8 Лафермиер. Русский двор в 1761 году // Русская старина.—1878, октябрь.—С. 190.
 - 9 Путешествие в Петербург аббата Жоржеля в царствование императора Павла I.—М., 1913.—С. 128.
 - 10 Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России.—М., 1987.—С. 218.
 - 11 Письма из России в Ирландию 1805, 1806 и 1807 годов. ... // Русский архив.—1873.—Кн. II.—С. 1836.
 - 12 Русский двор в 1792—1793 гг. Заметки графа Штернберга // Русский архив.—1880.—Т. 3.—С. 252.
 - 13 Маркиз де Кюстин. Россия и русский двор в 1839 году // Русская старина.—1892, январь.—С. 114.
 - 14 Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 году // Голос минувшего.—1913.—№ 3.—С. 105.
 - 15 Достоевский Ф. М. Дневник писателя.—Спб., 1877.—С. 627.
 - 16 Готье Теофиль. Указ. соч.—С. 102.
 - 17 Там же.—С. 142.
 - 18 Там же.—С. 143.
 - 19 Руссель-Киллуг. Через Сибирь и Австралию в Индию.—Изд. 2.—Спб., 1875.—С. 8.
 - 20 Готье Теофиль. Указ. соч.—С. 64.
 - 21 Джастис Э. Три года в Петербурге // Нева.—1988.—№ 5.—С. 203.
 - 22 Там же.
 - 23 Там же.
 - 24 Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711).—М., 1900.—С. 234.
 - 25 Цит.: Беспятовых Ю. Н., Сухачев Н. Л. Петербургский быт в России XVIII века. (Книга: Петербург и губерния).—Л., 1989.—С. 57.
 - 26 Петербург в 1720 году. Записки поляка-очевидца // Русская старина.—1879.—Т. 25.—С. 284.
 - 27 Джастис Э. Указ. соч.—С. 202.
 - 28 Маркиз де ля Шетарди в России.—Спб., 1862.—С. 613.
 - 29 Русский двор в 1761 году. Перевод с французской рукописи Лафермиера из библиотеки великого князя Константина Николаевича в Павловске // Русская старина.—1878, октябрь.—С. 190.
 - 30 Граф Джон Бекинхэмшир при дворе Екатерины II // Русская старина.—1902, март.—С. 663.
 - 31 Из воспоминаний леди Блумфильд // Русский архив.—1899.—№ 6.—С. 226.
 - 32 Заметки фон Герлаха о пребывании в Петербурге // Русская старина.—1892, апрель.—С. 63—64.
 - 33 Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом.—1899.—Кн. 3.—С. 184.
 - 34 Вебер Ф. Х. Записки о Петре Великом и об его преобразованиях // Русский архив.—1872.—№ 6—9.—С. 1067—1068.
 - 35 Путешествие по России в 1736—1739 годах. (Из дорожных записок фон Хафена) // Северная пчела.—1863.—№ 150.—С. 769.
 - 36 Там же.—С. 769.
 - 37 Корберон М. Д. Из записок // Русский архив.—1911.—№ 5.—С. 58—69.
 - 38 Джастис Э. Указ. соч.—С. 203.
 - 39 Из воспоминаний Э. М. Арндта о 1812 годе // Русский архив.—1871.—С. 106—107.

Санкт-Петербург. Вид на Петропавловскую крепость.